

Сяо Ваншэн с корзинкой фруктов добрался до палаты Линь Чжэнфэя. В палате оказался не только Линь Чжэнфэй, но и Линь Наньфэй. Когда Сяо Ваншэн вошёл, Линь Наньфэй сидел у кровати и чистил яблоко для брата. Увидев Сяо, он кивнул и неспешно поздоровался:

— Директор Сяо. Садитесь.

Словно он хозяин, принимающий гостя.

Линь Чжэнфэй, которого заботливо опекал старший брат, улыбался с трудом:

— Директор Сяо.

Эта сцена братской любви...

Совсем не радовала.

Линь Наньфэй, видимо, понимал, что брат хочет поговорить с Сяо Ваншэном наедине, поэтому, закончив чистить яблоко и передав его Линь Чжэнфэю, вежливо поднялся:

— Мне нужно ненадолго отлучиться, извините. Директор Сяо, располагайтесь.

Сяо Ваншэн произнёс:

— Эй, подожди.

Линь Наньфэй:

— ?

Мужчина, кусая губу с печальным видом, сказал:

— Я тоже хочу яблоко.

«...»

После этого Линь Наньфэй почистил три яблока для великого директора Сяо, чтобы тот мог медленно, медленно их съесть.

Чистая и белая палата.

Чистые и простые люди.

Тихая атмосфера.

— Хруст хруст хруст.

Линь Чжэнфэй полулежал на кровати, повернув голову набок, обнажая хрупкую шею. Его черты лица были нежными и слабыми. Внутренне собравшись, он сумел создать атмосферу глубокой печали, несмотря на хруст яблок.

Он посмотрел на Сяо Ваншэна грустным, полным тоски взглядом и тихо произнёс:

— Ваншэн.

Очень осторожно.

Боясь потревожить человека, который, кроме как в поедании яблок, казался сошедшим с картины.

Сяо Ваншэн хрустел яблоком, наклонился ближе:

— Что ты сказал?

Не специально, просто этот шёпот был слишком тихим.

Линь Чжэнфэй:

— ...

Он снова позвал, с ноткой надежды в голосе:

— Ты... ты помнишь меня?

Сяо Ваншэн странно посмотрел на него:

— Разве не ты потерял память?

Это правда.

— ... — Линь Чжэнфэй продолжил:

— Я вспомнил многое.

— О. — Сяо Ваншэн кивнул с невинным видом:

— И что?

Линь Чжэнфэй чуть не выругался. Это отношение — он помнит или нет? Если помнит, то должен был бы сказать: «Ты наконец вспомнил» или «Я ждал этого дня долгое время». Если не помнит, то нормальная реакция была бы: «Директор Линь, о чём вы говорите, я не понимаю!» У него было два сценария, а теперь как играть?

Сяо Ваншэн, с видом «я слушаю, продолжай», заставил Линь Чжэнфэя забыть все подготовленные эмоциональные реплики. Ему пришлось следовать изначальному плану:

— Все эти годы я забывал тебя, мне очень жаль.

— Ничего страшного.

Затем наступила тишина.

Без предварительной подготовки эти печальные слова звучали сухо.

Но даже сухой сценарий нужно доигрывать.

— Ты говоришь, что ничего страшного, но в душе, наверное, винишь меня.

— Ну и что, если виню.

Сяо Ваншэн выбросил огрызок яблока и вздохнул. Виню тебя...

И что? Я тебя ударю?

Он признал это.

— Ты так говоришь, значит, всё ещё помнишь меня.

Линь Чжэнфэй с волнением сел, протянул руку, чтобы схватить рукав Сяо, но, увидев, как тот незаметно отстранился, с грустью опустил руку на край кровати, сжав простыню. Он закрыл глаза, и в его голосе прозвучала боль:

— Даже если ты винишь меня, это правильно. Ваншэн, когда я очнулся в больнице, я думал, что это было несколько лет назад. Тогда я сильно болел, очнулся в больнице, и медсестра сказала, что ты провёл со мной всю ночь. Я думал, что первым, кого увижу, будешь ты.

— Но увидел старшего брата. Тогда я понял, что всё это осталось в прошлом.

— Верно. — Сяо Ваншэн вытер руки. — Забудь об этом.

— ...

Линь Чжэнфэй подавился.

Но он не сдавался.

Его спектакль ещё не закончен. Для правдоподобия он даже действительно упал. Если бы не настоящая травма, он бы не смог обмануть Сяо Ваншэна. На самом деле, эти годы были для него нелёгкими. Будучи не старшим сыном, а матерью, которая не имела прочного положения в семье Линь, он, хоть и был номинально богатым наследником, подвергался насмешкам со стороны других молодых людей из высшего общества.

В компании у него не было реальной власти, даже карточка была ограничена. Все знали, что его мать была третьей лишней в семье Линь Хуайцю. Хотя в богатых семьях такое случается, это всё равно вызывало неловкость.

В отчаянии Линь Чжэнфэй, как и многие молодые люди, решил уйти из дома. В то время Сяо Ваншэн только начинал свой бизнес. Они познакомились и нашли общий язык, почувствовав взаимную симпатию, договорились вместе начать дело, чтобы доказать всем, кто их недооценивал.

Сяо Ваншэн действительно относился к нему как к другу, заботился о нём, даже ночью сопровождал его к врачу.

Хотя в это трудно поверить, но те времена были для Линь Чжэнфэя редкими тёплыми воспоминаниями.

Все эти годы он боялся Сяо Ваншэна, не решаясь встретиться с ним лицом к лицу. В глубине души он чувствовал вину и страх, Сяо Ваншэн выжил, и он вздохнул с облегчением, но боялся, что тот узнает, что он действовал по указанию отца. Притворяясь, что они не знакомы, было противоестественно. Теперь он решил возродить чувства Сяо Ваншэна к нему, и в душе он был даже рад. К сожалению, тот оставался равнодушным.

— Директор Сяо теперь в Юньчэне имеет огромное влияние, наверное, на такого неудачника, как я, вы и смотреть не хотите. Но если вам понадобится моя помощь, я сделаю всё возможное.

Пусть это будет искуплением за то, что я покинул вас.

Линь Чжэнфэй импровизировал, пытаясь предугадать реакцию Сяо Ваншэна. Говоря, он сам начал чувствовать горечь и даже растрогался.

Но.

Растрогал только себя.

Сяо Ваншэн, глядя на Линь Чжэнфэя со слезами на глазах, вдруг произнёс:

— Директор Линь.

Линь Чжэнфэй востепенел, поднял заплаканные глаза:

— Что?

Директор Сяо задумался:

— Ты всё время говоришь, что виноват передо мной...

— В чём именно ты виноват?

— ...

— Ну?

— ... Тем, что все эти годы забывал тебя. — Линь Чжэнфэй вдруг сам начал сомневаться.

— О (๐v๐). — Вроде бы не так уж и страшно.

Атмосфера снова стала напряжённой.

Они молча смотрели друг на друга.

Сяо Ваншэн, доев последнее очищенное яблоко, не знал, чем заняться, и не мог придумать слов утешения. Ему пришлось попрощаться. Он хотел посмотреть, что задумал Линь Чжэнфэй. Но вместо этого вынужден был наблюдать за спектаклем. Сяо Ваншэн сделал вывод: не каждый может быть актёром. У этого парня талант.

Он поднялся, чтобы уйти, Линь Чжэнфэй с тоской смотрел на него.

В конце концов не выдержал и сказал:

— Ваншэн.

Директор Сяо обернулся.

Линь Чжэнфэй произнёс:

— Ты будешь ещё навещать меня? — Он добавил:

— Как друг.

Эти слова были искренними.

Сяо Ваншэн подумал и улыбнулся:

— Буду. Поправляйся.

Когда он не был сумасшедшим и становился мягким, он казался человеком, сошедшим с солнечного света, полным нежности и сладости. Даже если это были ложные слова, они звучали как мёд, проникая в самое сердце. В бизнесе говорили, что если Сяо Ваншэн захочет, никто не сможет устоять перед ним. Это утверждение было абсолютно верным.

— ...

Ван Иба без эмоций выслушал всю эту историю от Анны.

Анна, красочно описав всё, вздохнула:

— В конце директор Сяо время от времени навещал палату. Навещал навещал, и...

— Закатился в постель?

— Нет. — Анна поспешила объяснить:

— Просто согласился помочь Линь Чжэнфэю с небольшим делом.

Ван Иба кивнул, взгляд застыл на телефоне. На экране была изображена большая черепаха с иероглифом «Ван». Он спокойно сказал:

— Затем он пошёл к Ши Потяню, используя рекомендацию Линь Чжэнфэя, чтобы тот сделал первый шаг.

Директор Ван улыбнулся:

— Он действительно умеет заботиться о своих любимчиках.

Авторское примечание: Дружеский совет: перед тем как закатиться в постель, проверьте свои деньги и вещи [улыбка улыбка.

Вот и вы, красивые девушки!!! Давайте вместе наслаждаться жизнью и болтать беззаботно [уходите. Ваша любовь — это моя сила, пришедшая с планеты М78! Кстати, у нас тут недавно был сильный туман, и я чувствую, что мне нужно пойти подраться с монстрами [серьёзное лицо.

<http://bllate.org/book/16155/1447246>